

П.В. Шлыков

Амбивалентность «мягкой» силы ЕС в развитии сферы гражданского общества в Турции

***Аннотация.** В политической риторике и практике ЕС давно признается важность гражданского общества, а использование его институтов считается ключевым фактором эффективности европейской внутренней и внешней политики. Опираясь на массив официальных документов и современные социальные теории, автор статьи анализирует стратегии продвижения европейских ценностей и норм западной демократии в контексте динамики развития сферы гражданского общества в Турции.*

***Abstract.** The EU political rhetoric and practice recognize the importance of civil society, the use of civil society institutions is considered as a key factor for the success of the European policy. Based on the wide corpus of primary sources and modern social theories the author provides an analysis of the promotion strategies of European values and Western democracy in the context of dynamics in the development of civil society realm in Turkey.*

***Ключевые слова:** Турция, ЕС, «мягкая» сила, гражданское общество, НПО, демократия.*

***Keywords:** Turkey, the EU, «soft» power, civil society, NGO, democracy.*

За последние годы понятие «мягкой» силы прочно вошло в лексикон политиков, дипломатов, экспертов и журналистов – всех, кто пишет, рассуждает и так или иначе касается международной проблематики. Способность добиваться желаемого на

основе добровольного участия и экстравертной привлекательности – такова основная характеристика «мягкой» силы, которая на контрасте с «жесткой» силой с ее классическими методами принуждения стремительно вошла в международно-политическую практику и стала общепринятым инструментом мировой политики.

Специфика Евросоюза, унаследованная от институциональных предшественников – Европейских сообществ, состоит в том, что ЕС являет собой квинтэссенцию «мягкой» силы. Еще до изобретения этого понятия Джозефом Наем (5; 6; 46) французский исследователь Франсуа Дюшен в поисках адекватной характеристики назвал Европейское сообщество «гражданской силой» (29) – игроком, не имеющим полного набора атрибутов государства с его военно-политическим инструментарием, но оказывающим мощное воздействие на международные отношения и мировую политику. А последние исследования, трактующие Евросоюз как поствестфальскую, постсовременную политику, живущую в «кантианском пространстве вечного мира» в ситуации «войны всех против всех» (40, с. 3), увидели в ЕС «нормативную силу» – поставщика мировоззренческих парадигм и политических дискурсов (66), дистрибьютора универсального миропонимания, способного определять, «что является нормальным» (43).

Турция, в последние годы утвердившаяся в роли чемпиона по продолжительности пребывания в статусе страны-кандидата, представляет особый интерес с точки зрения механизмов продвижения либеральной демократии методами «мягкой» силы и оценки эффективности этих методов. Опыт Анкары по многим характеристикам уникален. В случае стран Восточной Европы¹ процесс их включения в орбиту политико-экономической системы Единой Европы в 1990-е годы и сопряженный с ним демократический транзит протекал по запрограммированному сценарию с легко просчитываемым результатом, и Брюссель выступал больше как модератор, а не катализатор общественно-политических процессов либерализации (67; 80, с. 19–23). В отношении Турции усилия ЕС оказались

¹ В данном случае понятие «Восточная Европа» используется не в пространственно-географическом, а в политологическом, культурно-экономическом смысле – как все прежние социалистические европейские государства, которые иногда разделяют на страны Центральной и Восточной Европы.

многовекторными: традиционный потенциал «мягкой» силы как совокупности привлекательности социально-экономической модели и культурной притягательности современной Европы и европейского уровня жизни, европейского научного и интеллектуального потенциала реализовывался в Турции по разнообразным каналам публичной дипломатии и путем выстраивания многоуровневых связей с турецкими неправительственными организациями.

Опыт работы со странами Восточного блока и самое масштабное расширение Евросоюза (2004–2007) отчетливо показали, что в сфере гражданского общества заключен значительный потенциал для реализации «мягкой» силы и продвижения ценностей демократии за пределы традиционного ареала Западной Европы. Осознание этой идеи формально выразилось в повышенном внимании к сфере гражданского общества в странах, развивающих партнерские отношения с ЕС или готовящихся вступить в Евросоюз.

За 1990-е и 2000-е годы накопилась обширная эмпирическая и нормативная база отношений между европейскими институтами и гражданским обществом разных стран, что позволяет рассматривать их как самостоятельное направление внешней политики ЕС, хотя формально они таковыми не являются¹. Нарботанный опыт стал кодифицироваться в начале 2000-х годов. Так, постановления Европейского совета 2002 г. установили финансовые механизмы поддержки НПО при формировании общего бюджета Европейских сообществ (55), а постановления Еврокомиссии того же года очертили контуры правовых механизмов финансовой поддержки неправительственных организаций (56). Окончательно политика Евросоюза в сфере гражданского общества стран-кандидатов оформилась к 2007 г. в рамках Стратегии расширения Евросоюза (23), аккумулировавшей в себе положения «Диалога гражданского общества» (22), постановления Европейского совета «О создании инструментов содействия на этапе подготовки к вступлению в ЕС» (54) и соответствующие решения Еврокомиссии (57). Для Турции,

¹ Сюжеты, связанные с финансированием и контактами с НПО, всегда выступали частью других макрозадач и бюджетных линий ЕС, а само гражданское общество никогда не являлось контрагентом отношений в традиционном смысле слова.

самого уникального кандидата на вступление в ЕС, вопросы развития гражданского общества рассматривались отдельно в рамках специально подготовленного документа – «Руководящие принципы поддержки Еврокомиссией развития гражданского общества в Турции» (71).

Для внутриполитического развития Турции первой половины 2000-х годов фактор ЕС как катализатора масштабных административно-политических преобразований играл ключевую роль. При этом рекомендации Брюсселя и навязываемая ЕС модель преобразования встречала в Турции серьезную оппозицию, масштабы которой были не сопоставимы с теми препятствиями, с которыми реформы по либерализации столкнулись в странах бывшего социалистического блока.

Таким образом, если рассматривать опыт взаимоотношений ЕС с Турцией и административно-политические преобразования в Турции как модель продвижения европейской парадигмы общества и государства, европейской демократии, можно обозначить возможности и ограничения этой модели с точки зрения распространения демократии с использованием инструментария «мягкой» силы¹.

Из регулярных докладов Еврокомиссии по Турции видно, что ЕС по каналам общественной дипломатии лоббировал создание благоприятной правовой среды и механизмов поддержки гражданской активности, иницилируя при этом различные программы финансовой помощи неправительственным организациям (23; 54). Анализ программных документов ЕС четко показывает стремление формировать сферу либерального гражданского общества в Турции (23, Section 3.2, 3.5; 54, Title I, Article 2). Европейский совет и Еврокомиссия хотели видеть в гражданском обществе механизм и да-

¹ К концу 2010 г. значительная часть сюжетов, обсуждаемых в ходе переговорного процесса между ЕС и Турцией, была снята с повестки дня. В Турции инициированные из Брюсселя реформы шли не столько в форме директивного принуждения сверху (по такой модели «прямого навязывания» это происходило на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и даже на Украине, где европейский проект до последнего времени не снискал большого успеха и полноформатно не был реализован), а в значительной степени по каналам сотрудничества неправительственных организаций (33).

же инфраструктуру по социально-политической трансформации Турции на пути в единую Европу (22, Section 2.2, 3.2; 53, Section 6). Поддерживая по каналам «мягкой» силы гражданскую активность, Брюссель рассчитывал, что гражданское общество в целом и неправительственные организации окажутся способными решить задачу подготовки населения к грядущей евроинтеграции (53, Section 1.2). Реализуя эти программные установки, общеевропейские органы и институты в 2000-е годы начали форсированно развивать контакты с турецкими неправительственными организациями и гражданскими активистами, представляющими широкий спектр политических взглядов и устремлений.

Сама по себе идея ключевой роли неправительственных организаций и в целом гражданского общества в процессах либерализации и укрепления демократии не нова. Она просматривается уже в работах Алексиса де Токвиля, автора знаменитого историко-политического трактата «Демократия в Америке» (8). В дальнейшем к этой концепции обратился американский политолог Габриэль Алмонд: в своей книге «Гражданская культура: Политические ориентации в пяти странах», написанной в соавторстве с классиком современной политической науки Сиднеем Вербой, Г. Алмонд проводил мысль о прямой связи развития культуры гражданственности с расширением ареала либеральной демократии (1; 17). Творчески развивал эту идею и другой известный американский политолог – Роберт Патнэм. В нашумевшей книге «Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии» (7) Р. Патнэм вывел формулу прямой зависимости между уровнем культуры гражданской ассоциации и уровнем социально-политического развития, показав на материале Италии прямую пропорциональную зависимость качества развития регионов от количества гражданских организаций (от хоровых обществ до футбольных клубов). Согласно Р. Патнэму, социальное доверие, нормы взаимодействия, сети гражданской вовлеченности и успешного сотрудничества – все, что объединяется понятием «социального капитала», есть ключевые факторы «работающей демократии» и основные стимулы экономического процветания¹.

¹ *Задаваясь вопросом об условиях, обеспечивающих создание сильных, ответственных и эффективных институтов представительной власти, Р. Патнэм*

Крупный специалист в вопросах демократии Ларри Даймонд (26; 27), исследуя связи гражданского участия и трансформации демократических структур, пришел к выводу, что в большинстве случаев гражданское общество не только выступает матрицей для построения демократической политической системы, но также служит универсальным инструментом, обеспечивающим эффективность демократии (19).

Критики неотоквилианских подходов к гражданскому обществу и демократии обращают внимание на широту диапазона гражданской активности и механизмов функционирования общественных ассоциаций в зависимости от регионального социокультурного и политического контекста. Особенно это касается незападных обществ, как отчетливо показывают исследования директора программы «Управление и гражданское общество» Фонда Форда Майкла Эдвардса (30). Другие исследователи, несогласные с парадигмой Р. Патнэма и Л. Даймонда, отмечают фактическое отсутствие у гражданского общества единосубъектности, поскольку оно является ареной борьбы разных социальных сил, нередко едва ли сводимых к общему знаменателю (20; 69).

Наконец, политика по стимулированию развития гражданского общества в странах западного мира иногда приводит к тому, что инфраструктура гражданского общества используется для реализации деструктивных целей и задач, далеких от гуманитарных идеалов либеральной демократии и гражданского общества (47).

Вместе с тем политика ЕС по взаимодействию с гражданским обществом западных стран в целом и Турции в частности базировалась на неотоквилианских принципах, в рамках которых активное гражданское общество – краеугольный камень нормально функционирующей демократической политической системы.

У такого подхода есть исторические объяснения. В структуре общеевропейских институтов с конца 1950-х годов функционирует Европейский социально-экономический комитет, который создавался в 1957 г. с целью обеспечить представительство интересов

нэм показал, что именно в тех регионах Италии, где сто лет назад итальянцы наиболее активно вовлекались в новые формы общественной солидарности и социального действия, их потомки максимально «гражданственны» в политической и социальной жизни.

разных экономических и социальных групп в Европейском сообществе. Таким образом, идея моста между разными группами интересов и его институционализация в рамках единых европейских структур – феномен не 2000-х годов, а середины прошлого века. Однако признание за неправительственными организациями ключевой роли в европейской политике и их активное вовлечение в работу общеевропейских институтов – явление, которое датируется серединой 1990-х годов, когда в городе Маастрихт был подписан Договор о Европейском союзе (7 февраля 1992 г.), фактически открывший новые сферы прямого политического и гражданского сотрудничества внутри объединенной Европы. Именно в 1990-е годы в сферу деятельности Европейского социально-экономического комитета вошли сюжеты, связанные с привлечением и использованием НПО. К концу 1990-х годов Брюссель постепенно начинает включать в орбиту своей политики неправительственные организации стран-кандидатов, превращая сотрудничество в сфере гражданского общества в один из базовых инструментов своей внешней политики. Модель окончательно оформилась в рамках пятого расширения ЕС 2004–2007 гг., коснувшегося преимущественно бывших участников Восточного блока¹.

Внешняя политика Евросоюза всегда отличалась богатым инструментарием по продвижению ценностей либеральной демократии и защиты прав человека в разных странах за пределами Западной Европы: от давления и увещевания правительств до «технической» поддержки модернизационных преобразований на разных уровнях и с использованием широкого диапазона средств (80, с. 19–23). Один из таких инструментов – «политическая кондициональность», признаваемая сегодня одной из наиболее успешных внешнеполитических стратегий Евросоюза (3). В узкоспециальном смысле финансово-правовое понятие «кондициональности»² озна-

¹ Расширение ЕС в 2004 г. было самым крупным в истории как по географии, так и по населению. Оно коснулось Кипра, Чехии, Эстонии, Венгрии, Латвии, Литвы, Мальты, Польши, Словакии и Словении. Частью этой же волны расширения было присоединение Болгарии и Румынии в 2007 г.

² В отечественной науке концепция кондициональности проработана в лингвистике, особенно в исследованиях по функциональной стилистике (2). При этом о кондициональности как причине эволюции (в отличие от каузальности как причины генезиса) писал еще Ю.Н. Тынянов (9, с. 270–281).

чает условия, которые кредитор ставит перед должником в форме обязательств проводить определенную экономическую политику (такова, в частности, процедура помощи МВФ). В современной европейской политике кондициональность интерпретируется как «набор стандартов... которые должны быть приняты и введены в действие» при желании государства получить взамен бонус или преференцию (3; 68, с. 2), особенно это распространено в отношениях с государствами – кандидатами на вступление в ЕС.

Базовая логика политической кондициональности достаточно проста, а опыт ее применения в странах Восточной Европы даже подвигнул некоторых поверить в ее универсальность и высокую эффективность (35, с. 249). Очевидно, что подобная модель способна работать в условиях, когда баланс выгод и затрат от либерализации прогнозируемо смещен в сторону выгод. В случае большинства стран такой осязаемой и реальной выгодой выступало полноправное членство в ЕС, ставшее наиболее мощным стимулом к проведению либерализации (58; 70).

Однако успешность «политики условий» – это не только очевидность выгод, но и готовность местных элит идти на издержки. В случае, когда либерализация требует фактического перераспределения властных полномочий или угрожает целостности государства, местные элиты ожидаемо выступают против. Особенно этот эффект усиливается, когда у страны есть альтернативный геополитический выбор – у Турции это ближневосточный вектор, Центральная Азия, а также иногда всплывающий концепт Евразии. И здесь при прагматическом подходе оказывается, что соотношение издержек и выгод оказывается не в пользу либерализации (70).

Эффективность «политики условий», реализуемой исключительно по межправительственным каналам без охвата сферы гражданского общества, в реальности оказалась явно недостаточной. Это показал опыт работы со странами Восточного блока, где Брюссель широко использовал политику кондициональности, чтобы за счет адресной финансовой и технологической помощи задавать необходимый вектор социально-политическим преобразованиям (59; 60). Поэтому на турецком направлении встала задача задействовать неправительственные каналы и выстраивать отношения с представителями гражданского общества, которое, как предполагалось, должно было взять на себя задачу ускорения либерализа-

ции социально-экономической и политической сферы стран-кандидатов (81). ЕС разработал богатый арсенал программ сотрудничества с неправительственными организациями¹, наладил каналы финансирования проектов гражданского сотрудничества (в бюджете ЕС были открыты специальные статьи по поддержке «третьего сектора» наряду с малым и средним бизнесом) с целью не только обеспечить экономическую либерализацию, но и способствовать укреплению гражданского общества как базы политической либерализации (52).

Однако работа в сфере гражданского общества столкнулась с рядом трудностей процедурного и концептуального свойства: аксиоматичное утверждение о необходимости привлекать гражданское общество к процессу евроинтеграции автоматически не рождало универсальных моделей и алгоритмов его вовлечения в эти процессы. В официальных документах ЕС часто фигурирует тезис о необходимости выстраивания отношений с гражданским обществом стран-кандидатов, в частности в программе ФАРЭ (Poland and Hungary: Assistance for restructuring their economies (PHARE)), запущенной еще в 1989 г. в качестве основного канала финансового и технического сотрудничества ЕС со странами Центральной и Восточной Европы для «финансовой поддержки экономических преобразований и укрепления демократии»². Однако при этом провозглашаемая политика в сфере гражданского общества фактически свелась к развитию сектора неправительственных организаций (51, с. 382).

¹ *Mediterranean economic development area programme (MEDA), Poland and Hungary: Assistance for restructuring their economies (PHARE), Instrument for structural policies for pre-accession (ISPA), Special accession programme for agriculture and rural development (SAPARD), Community assistance for reconstruction, development and stability in the Balkans (CARDS), Technical aid to the Commonwealth of Independent States (TACIS).*

² *Помимо технологического содействия программа ФАРЭ должна была способствовать «приобретению накопленного Сообществом опыта», завершению рыночных реформ, реструктуризации национальных экономик и в целом созданию необходимых условий для будущего членства в ЕС. Причем особое внимание в программе уделялось вопросам развития инфраструктуры межрегионального сотрудничества.*

Примечательно, что в процессе расширения ЕС на страны Восточного блока из Брюсселя, разочарованного низкой эффективностью инициатив по взаимодействию с гражданским обществом и его слабостью в странах Восточной Европы, звучали сомнения в целесообразности поддержки неправительственных организаций и гражданских активистов, не участвовавших в политическом процессе (т.е. тех общественных сил, которые не способны оказать прямое содействие евроинтеграции). В этом ключе даже родилось понятие «усталости гражданского общества» (21, с. 63; 73, с. 60).

В случае со странами Центральной и Восточной Европы первоначальное желание ЕС использовать гражданское общество как один из главных рычагов либерализации вошло в противоречие с фактически реализуемой стратегией евроинтеграции на этом направлении. Низкая активность неправительственных организаций, их «усталость» способствовали тому, что Брюссель сделал ставку на административно-правовые механизмы в проведении либерализации, т.е. на работу с официальными органами власти, перед которыми ставилась задача создания необходимой законодательной базы. В заявлении представителей Еврокомиссии это формулировалось как необходимость «судить правительство, а не общество» (50, с. 235), что лишний раз подчеркивало, насколько далеко во время расширения 2004–2007 гг. Брюссель был от гражданского общества стран-кандидатов (28, с. 107). В результате проводником евроинтеграции выступило не общество, а правительство (59, с. 496–498), которое столкнулось с необходимостью в очень сжатые сроки удовлетворить требования ЕС в сфере экономики и внедрить целый комплекс общеевропейских законов (50, с. 2–3).

Некоторые исследователи критиковали Брюссель за то, что его политика в странах Восточной Европы по сути противоречила одному из базовых принципов внешнеполитической активности ЕС – распространению демократии, – поскольку в странах Восточного блока гражданское общество фактически оказалось за бортом процесса либерализации (72, с. 381). Главной издержкой подобной стратегии стал низкий уровень информированности общества о евроинтеграции и как следствие эрозия общественного интереса и поддержки (36, с. 1017–1029). Таким образом, стремительная смена законодательных декораций, демонтаж «правовой надстройки» без участия гражданского общества затормозил и осложнил «сущност-

ные изменения», реализовать которые было непросто (28, с. 107–108).

Из опыта «пятого расширения» ЕС сделал выводы, что простая перекройка административно-правовой ткани не является достаточной для подтягивания страны к общеевропейскому уровню и без полноценной поддержки со стороны гражданского общества проекты либерализации и демократизации обречены на низкую эффективность (41, с. 222–232). В этих условиях неправительственные организации и гражданские активисты стали рассматриваться как ключевые участники процессов евроинтеграции. Одной из базовых задач для НПО должно было стать распространение позитивного знания о евроинтеграции и создание привлекательного имиджа реформ, на проведении которых настаивал ЕС. Предполагалось, что НПО способны выступить эффективным каналом обратной связи между населением и властью – барометром общественных настроений и чаяний. В рамках «диалога гражданского общества» от НПО требовалось создать канал обратной связи с двусторонним движением, чтобы через него в общество транслировались задачи и цели реформ, обеспечивалась лучшая осведомленность о преимуществах и вызовах, которые таит в себе евроинтеграция (22). Тем самым вовлеченные в процесс евроинтеграции НПО должны были обеспечить максимально возможную консолидацию общества. ЕС ожидал, что НПО и гражданские активисты стран-кандидатов в соответствии с неотоквилианской логикой создадут необходимые условия для внутренней динамики либерально-демократических преобразований, дадут им импульс «снизу», что НПО станут главными драйверами социальных трансформаций, через которые страна-кандидат должна пройти перед вступлением в ЕС. Все это логично привело к включению вопросов активности в сфере гражданского общества в арсенал политики кондициональности ЕС.

Особое внимание в аспекте воспитания лояльности Еврокомиссия стала уделять Турции, поскольку именно Турция – с точки зрения дефицита взаимной информированности – представляла наиболее сложную задачу. В программных документах середины 2000-х годов европейские чиновники отмечали ограниченность знания истории, политики и специфики функционирования ЕС в Турции (22). Поэтому в стратегии евроинтеграции для Турции ЕС

определил три направления: формально-правовое – выполнение «Копенгагенских критериев», инструментально-процедурное – обеспечение специальных условий для переговорного процесса, и сущностно-функциональное – создание инфраструктуры для политического и культурного диалога между гражданским обществом в Турции и в странах ЕС (53, п. 1). Для реализации последнего ЕС начал использовать разные каналы и инструменты сотрудничества и взаимодействия с турецкими неправительственными организациями.

Евросоюз и евроинтеграция не были единственными драйверами модернизации Турции 1990-х годов. В этот период можно говорить о совокупности внешних и внутренних факторов, определяющих внутреннюю динамику развития общественно-политической системы и гражданского общества в Турции, одним из ярких выражений которой стал рост активности неправительственных организаций и других субъектов гражданского общества. Курс на либерализацию, который Тургут Озал (премьер в 1983–1989 гг. и президент в 1989–1993 гг.) сделал стержнем своей политико-экономической стратегии, способствовал тому, что ограничения гражданской активности, установленные Конституцией 1982 г., постепенно начали отменяться с конца 1980-х годов, что сделало возможным проведение известной ООНовской конференции по окружающей среде в Стамбуле в 1996 г. Измитское землетрясение 1999 г. стало важной вехой в развитии культуры гражданской активности Турции, подтвердив колоссальный потенциал неправительственных организаций в решении насущных общественных проблем (масштабное участие НПО в поиске и спасении жертв землетрясения, помощи в их реабилитации, участие в строительных работах наравне с традиционными благотворительными акциями).

Все это показывает, что в течение 1990-х годов в Турции формировалась благоприятная среда для развития институтов гражданского общества, повышения значимости неправительственных организаций и расширения зоны их участия в общественно-политической жизни, равно как и развития культуры гражданской активности. При этом процесс подготовки Турции к вступлению в ЕС стал одним из главных факторов трансформации модели отношений общества и государства. После официального объявле-

ния Турции кандидатом на вступление в ЕС в 1999 г. модель этих отношений и регулирующая их административно-правовая база подверглись серьезной ревизии, что должно было означать фактический конец эпохи жесткого регулирования гражданской активности, установленной режимом 12 сентября 1980 г. (подробнее см.: 4, с. 108–147; 10). Помощь турецким общественным организациям со стороны европейских фондов и общеевропейских структур в 2000-е годы стала гораздо более заметной и ощутимой, чем это было до 1999 г. Турецкие НПО поспешили воспользоваться материальным выражением «мягкой» силы ЕС, однако эффективность этой помощи с точки зрения реализации целей и задач, поставленных Брюсселем, оказалась неоднозначной.

Основные инструменты «мягкой» силы в работе с гражданским обществом в Турции – программы консультативной и финансовой помощи неправительственным организациям. Эти программы, как, например, Программа технической помощи и обмена информацией (Technical assistance and information exchange programme – ТАІЕХ) или Программа посещения европейских институтов (European Union visitors programme – EUVP), предоставляют разнообразные формы краткосрочного и среднесрочного сотрудничества с общественными организациями и отдельными гражданскими активистами. Это и адресная консультативная техническая помощь в организации волонтерских программ, и помощь в освоении правовых норм и правовой системы Евросоюза, и организация встреч с представителями общеевропейских административных и политических структур для изучения позитивного опыта европейской политики, успешно реализованных проектов и инициатив и т.д.

Главным каналом финансовой поддержки турецких НПО, после того как Турция получила официальный статус страны-кандидата в 1999 г., стала Программа финансовой поддержки на этапе подготовки к вступлению (Pre-accession financial assistance, с 2007 г. – Instrument for pre-accession assistance – ІРА) (подробнее см.: 32) – отдельная строка в бюджете Евросоюза. С начала открытия этой линии финансовой поддержки в 2002 г. и до конца 2013 г.

Турция в общей сложности получила 6 млрд 115 млн евро¹. Нет точных данных по распределению этих средств, поэтому сложно сказать, какая часть этих средств непосредственно была направлена турецким неправительственным организациям². Косвенно об объемах финансирования турецких НПО можно судить по наиболее масштабным проектам. Один из известных проектов – создание «Команды поддержки гражданского общества» (Sivil Toplum Destek Ekibi) (63) в 2003 г. с годовым бюджетом в 3,4 млн евро, основная задача которой сводилась к просветительской работе, консультированию гражданских активистов и помощи им в создании неправительственных организаций. Успех этого проекта способствовал тому, что Еврокомиссия предложила продолжить программу, переведя ее на постоянную основу. Так, в 2004 г. была создана ассоциация «Центр развития гражданского общества» (Sivil Toplum Geliştirme Merkezi), которая взяла на себя функции дистрибьютора финансовой помощи и грантов ЕС для турецких НПО и гражданских активистов³.

Еще одна программа, финансируемая ЕС в Турции, – Программа развития гражданского общества (Sivil Toplum Geliştirme Programı), созданная в 2003 г. с годовым бюджетом в 10,5 млн евро и 150 пилотными проектами в самых разных областях (от защиты прав женщин и детей до покровительства культурному наследию и охраны окружающей среды) (62).

¹ По официальным данным ЕС и турецкого Министерства по отношению с ЕС, в рамках Программы финансовой поддержки на этапе подготовки к вступлению Турция получила в 2002 г. – 126 млн евро, в 2003 г. – 144 млн, в 2004 г. – 250 млн, в 2005 г. – 300 млн, в 2006 г. – 500 млн, в 2007 г. – 497,2 млн, в 2008 г. – 538,7 млн, в 2009 г. – 566,4 млн, в 2010 г. – 653,7 млн, в 2011 г. – 779,9 млн, в 2012 г. – 856,3 млн, в 2013 г. – 903 млн евро (39, с. 8).

² В рамках программ по гармонизации турецкого законодательства с нормами ЕС в 2002, 2003 и 2004 гг. было разработано 84 проекта, одобренных на уровне органов ЕС.

³ По официальным данным, на реорганизацию «Команды поддержки гражданского общества» (Sivil Toplum Destek Ekibi) в ассоциацию «Центр развития гражданского общества» (Sivil Toplum Geliştirme Merkezi) было выделено 1,82 млн евро.

ЕС щедро финансировал и поддерживал подобные программы в Турции, видя в них эффективный инструмент по распространению европейской модели гражданского общества и общественных отношений, стремясь посредством создания сети НПО воспроизвести в Турции элементы западной повседневной «гражданской жизни». По замыслу Еврокомиссии, НПО должны были обеспечить подготовку Турции к евроинтеграции, приблизить ее к ЕС в тех аспектах общественного устройства, которые трудно было сформулировать в рамках формальных требований «Копенгагенских критериев» и даже в их расширенных трактовках с поправкой на региональную специфику. Еврокомиссия рассчитывала, что включенные в орбиту финансовой и интеллектуальной помощи НПО будут каналом вовлечения турецкого общества в процесс евроинтеграции, т.е. решат проблему отчуждения значительной части населения от процесса расширения ЕС, с которым Брюссель столкнулся в странах Восточной Европы.

В июне 2005 г. Еврокомиссия анонсировала новый проект – «Диалог гражданского общества», в рамках которого перед турецкими НПО, сотрудничающими с ЕС, ставилась более конкретная задача подготовки турецкого общества, а точнее – общественного мнения – к евроинтеграции через распространение позитивного знания о ЕС и тех преимуществах и ограничениях, с которыми будет сопряжено вступление Турции в ЕС. Со стартовых 19,3 млн евро по каналам «Диалога гражданского общества» было запущено около 70 проектов гражданского участия по четырем направлениям: города и муниципалитеты, профессиональные организации, университеты, молодежные инициативы (77). В 2006 г. совместно с правительством Турции Еврокомиссия ассигновала 29,5 млн евро на поддержку программ в рамках «Диалога гражданского общества», а общее количество проектов на период 2007–2009 гг. выросло до 120 (16).

В 2007 г. Брюссель реорганизовал механизмы поддержки официальных и потенциальных стран-кандидатов на вступление в ЕС. Созданный Инструмент поддержки на этапе подготовки к вступлению, ИППВ (Instrument for pre-accession assistance, IPA) (подробнее см.: 32), объединил в себе прежние программы ФАРЭ и КАРДС (Community assistance for reconstruction, development and stabilisation – CARDS) и получил отдельную строку в общеевропейском

бюджете. С 2007 г. основное финансирование европейских программ в Турции шло по этому каналу, который официально охватывал пять сфер: создание демократических институтов, приграничное сотрудничество, развитие регионов, сельское хозяйство и развитие человеческого потенциала. Поддержка развития сферы гражданского общества и сети неправительственных организаций не была выделена в самостоятельное направление, однако имплицитно присутствовала во всех пяти (23). Примечательно, что официальная статистика не дает отдельных данных в рамках направлений, поэтому точный объем средств, направляемых непосредственно турецким НПО, по открытым источникам определить крайне затруднительно. При этом помимо фондирования по каналу ИППВ турецкие НПО также участвовали в разных независимых программах сотрудничества между университетами, предприятиями малого и среднего бизнеса, волонтерскими организациями и т.д. в сферах, так или иначе связанных со странами ЕС и общеевропейской политикой. Еще один канал, по которому шло взаимодействие ЕС с турецкими НПО, – это социально ориентированные Программы перманентного обучения (Lifelong learning program), Рамочные программы по развитию научных исследований и технологий (Framework programmes for research and technological development), «Молодежь в действии» и др. (83), участие в которых давало турецким НПО возможность получить финансовую поддержку ЕС. Однако и в случае этих программ точно определить масштабы сотрудничества турецких НПО с европейскими организациями практически невозможно.

Наряду с чисто финансово-экономическими инструментами структуры ЕС разработали и другие каналы воздействия и взаимодействия с турецкими НПО – это и совместные мероприятия, и выездные семинары с приглашением гражданских активистов в штаб-квартиру Еврокомиссии и другие институциональные органы ЕС. Причем в рамках нефинансового сотрудничества создавалась модель симметричных инициатив, когда импульс взаимодействия исходит не только от «доноров», но и «реципиентов». Известный пример – сотрудничество турецкой ассоциации поддержки образованных женщин (Kadın Aydınları Destekleme Derneği – KADER) и Комиссии Европарламента по правам женщин и гендерного равен-

ства в работе над докладом о равноправии полов в Турции, опубликованном в 2012 г. (34).

Турецкий социолог Озге Зихниоглу приводит в своей книге о Европейском союзе данные опроса 37 крупнейших турецких НПО, представляющих разные социальные группы и политические платформы, согласно которым 68% (т.е. 25 НПО) отвергли наличие какого-либо нефинансового взаимодействия со структурами ЕС, 35% – признались, что имеют опыт кооперации по общеевропейским или сугубо турецким проектам, и только 10% (т.е. четыре организации) подтвердили, что посещали Брюссель по собственной инициативе, писали петиции, приглашали европейских чиновников на свои мероприятия. Однако, как пишет Зихниоглу, это тот случай, когда работал механизм личных связей и контактов: среди последней группы оказались те организации, в попечительском совете которых – действующие политики, для которых контакты с ЕС – часть профессиональной деятельности, не говоря об общей «подкованности» этих НПО в области международных контактов (84, с. 50–71). Конечно, статистика турецкого исследователя спорна в аспекте своей репрезентативности, и едва ли ее результаты возможно экстраполировать на всю Турцию и опыт работы механизмов «мягкой» силы ЕС, однако она отражает характер обратной связи со стороны турецких неправительственных организаций.

Помимо непосредственных контактов в ряду нефинансового сотрудничества ЕС и турецкого гражданского общества можно выделить еще один канал воздействия – регулярные доклады ЕС о «продвижении Турции» на пути в единую Европу. Эти доклады представляют собой ежегодный обзор конкретной страны с точки зрения ее прогресса на пути к статусу государства-кандидата или государства – члена ЕС. Начиная с 1998 г., когда был опубликован первый в истории подобный доклад по Турции, вопросы ограничений для неправительственных организаций и гражданских активистов, соблюдения базовых прав и свобод в разных аспектах стали ключевыми темами этих документов. Непосредственный эффект регулярных докладов наиболее рельефно проявлялся тогда, когда в них затрагивалась не обезличенная проблема, а конкретный случай. Наиболее яркий пример – ситуация с закрытием в Турции ас-

социации солидарности представителей ЛГБТ¹ сообщества ЛямбдаИстанбул (Lambdaİstanbul LGBTT Dayanışma Derneği). В мае 2008 г. суд Стамбула вынес решение о закрытии этой ассоциации за «нарушения закона и общественной морали» (31). При этом структуры ЕС – «Хьюман Райтс Вотч» и «Международная амнистия» – вступились за ЛямбдаИстанбул, постоянно поднимая вопрос о незаконности подобных запретов². В итоге под давлением ЕС сначала в ноябре 2008 г. Высший апелляционный суд вернул дело ЛямбдаИстанбул на повторное рассмотрение, а затем в апреле 2009 г. судебное решение уже было принято в пользу ассоциации (42).

Однако насколько в действительности – не по количественным показателям ежегодных отчетов – политика «мягкой» силы ЕС способствовала трансформации гражданского общества и моделей социальной активности и, наконец, помогла в приближении Турции к европейским стандартам общественной жизни? Важная черта политики «мягкой» силы в отношении гражданского общества в Турции – доминирование незапрограммированных результатов, достаточно далеко отстоящих от заложенных изначально задач и целей.

Наиболее очевидно это проявляется в отношении финансовой помощи турецким НПО. Одна из стержневых задач выделения средств турецким общественным организациям – это их формальное рекрутирование в большой проект либерализации Турции, подготовки ее к вступлению в ЕС. Фактически от реципиентов поддержки европейских фондов ждут приверженности европейским ценностям и правовым нормам на уровне убеждений и активности в аспекте общественно-политической трансформации Турции на уровне практической деятельности. Однако мониторинг высказываний представителей крупных турецких НПО, так или иначе воспользовавшихся помощью со стороны структур ЕС, показывает довольно парадоксальную на первый взгляд ситуацию. Как демонстрируют социологические опросы, примерно половина НПО, участвовавших в грантовых проектах ЕС, не являются твер-

¹ ЛГБТ – сообщество лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров.

² Притом что из длинного перечня европейских свобод для лиц нетрадиционной ориентации в Турции действует только разрешение на смену пола (с 1988 г.).

дими сторонниками вступления Турции в ЕС. Их позицию можно охарактеризовать прагматичным цинизмом – сотрудничать с ЕС настолько, насколько европейские универсальные ценности совпадают с ценностями конкретной организации¹. При этом известные консервативные НПО: Ассоциация защиты прав человека и угнетенных (İnsan Hakları ve Mazlumlar İçin Dayanışma Derneği) или Ассоциация за свободу мысли и прав на образование (Özgür Düşünce ve Eğitim Hakları Derneği), несмотря на свой скепсис по отношению к европейским грантам, выступают с позиций твердой и последовательной поддержки евроинтеграции Турции. Нефинансовая логика здесь тоже объяснима: поддержка европейских демократических ценностей в данном случае – это скорее поиск дополнительных гарантий от возможных репрессий со стороны кемалистской элиты 1990-х и 2000-х годов и судебного преследования за свои консервативные взгляды.

Удивительно, но и политическая поддержка притесняемых – с точки зрения европейских политиков – гражданских активистов и неправительственных организаций отнюдь не гарантирует их лояльности по отношению к ЕС. Поддержанная европейскими политиками ЛГБТ ассоциация Стамбула публично выразила сомнения в адекватности поддержки ЕС турецких курдов. А одна из крупнейших курдских общественных организаций – Ассоциация исследования и развития курдского языка (Kürt Dili Araştırma ve Geliştirme Derneği – Kürdi-Der) – демонстративно отказалась от поддержки со стороны европейских фондов, притом что ЕС сыграл исторически очень важную роль в становлении курдского движения и расширении гражданских прав курдов в Турции (подробнее см.: 41).

Данные опросов представителей турецких НПО с точки зрения их приверженности одной из базовых задач «Диалога гражданского общества» – подготовке общества к евроинтеграции, т.е. распространению позитивного знания о ЕС, создают неожиданную «тепловую карту» лояльности гражданского общества к ЕС. Так, из числа турецких НПО, получивших в 2000-е годы грантовую поддержку от ЕС, только 4% предусматривали в рамках своих проектов просветительскую деятельность о европейских ценностях и поли-

¹ *Высказывания представителей Хельсинкской ассамблеи граждан (Helsinki Yurttaşlar Derneği – HYD) (приводится по: 84, с. 50–71).*

тике ЕС, 27 – никак не соотносили свои проекты с задачами «Диалога гражданского общества», а 15% отметили, что подобная деятельность не соотносится с их целевой аудиторией и они понесли репутационные потери от самого факта сотрудничества с европейскими организациями (приводится по: 84, с. 50–71).

Традиционные для ЕС методы реализации потенциала «мягкой» силы в турецком контексте столкнулись с концептуальными и функциональными ограничениями. Не учитывая особенностей незападной модели гражданского общества, политика ЕС исходила из дихотомии и разделенности гражданского общества и государства как совокупности властencentричных отношений, а также созидательно либеральных потенциалов гражданской активности. Традиция периодических военных переворотов, почти каждые десять лет сотрясавших страну всю вторую половину XX в., замедлила процессы внутренней динамики развития гражданского общества и его потенциал генератора общественно-политических трансформаций. Низкий организационный потенциал турецких НПО – их неспособность в полной мере, используя собственные административные, интеллектуальные, технологические и финансовые ресурсы, осуществлять уставные цели, а не имитировать деятельность – базовая характеристика и одна из слабых сторон гражданского общества в Турции, неоднократно отмеченная масштабными социологическими исследованиями. Так, одно из наиболее репрезентативных по своему охвату исследований такого рода, осуществленное Вакфом¹ третьего сектора Турции в 2011–2013 гг.,

¹ В мусульманском праве понятие вакф обозначает неотчуждаемое имущество, переданное каким-то одним человеком или группой лиц на религиозные и благотворительные цели общине, организации или отдельному человеку. Собственность, переданная в вакф, трактуется как благотворительное учреждение, доходы от которого тем или иным образом идут на нужды мусульманской общины. В настоящее время в ряде мусульманских стран существуют специальные министерства по делам вакфов. В Турции министерство по делам шариата и вакфов было упразднено в ходе реформ 3 марта 1924 г., и сейчас этими вопросами занимается Главное управление вакфов, находящееся в непосредственном подчинении аппарата премьер-министра. После 1967 г. в Турции начали учреждаться новые вакфы, которые в административно-правовом и функциональном отношении стали ближе к западным благотворительным фондам, поэтому иногда понятие вакф в турецком контексте несколько ошибочно переводят как фонд.

фиксировало более 44% НПО, функционирующих как паракоммерческие структуры с большим количеством наемного персонала, а также отмечало низкий уровень общественного интереса к НПО как таковым и формам их деятельности (65). Пониженный интерес к гражданской активности, тормозящий развитие сектора НПО, – во многом наследие 1990-х годов. По данным Всемирного обзора ценностей (World Values Survey), в 1990-е годы доля населения, вовлеченного в работу неправительственных организаций, не превышала 1% – при численности лиц, занятых в сфере интеллектуального труда, более 2% (82). Более поздние национальные обследования общественных отношений в Турции констатировали сохранение этих особенностей. Так, проект «Индекс гражданского общества» Всемирного альянса за гражданское участие (CIVICUS), осуществленный в конце первого десятилетия 2000-х годов, обнаружил, что членами каких-либо социально и политически активных НПО в Турции выступают не более 10% населения, из которых на добровольных началах трудятся только 6,7% (38). В переводе с количественных в качественные категории это означает отсутствие необходимой инфраструктуры для реализации политики «мягкой» силы ЕС в сфере гражданского общества в Турции.

Не случайно финансовая сторона деятельности для большинства турецких НПО – наиболее острый вопрос и один из главных приоритетов, причем не диагностируемый экспертами, а признаваемый самими НПО (78). Боязнь утраты финансовой стабильности пронизывает институты гражданского общества в Турции. По опросам Вакфа «О жизни» (Yaşama Dair Vakıf – YADA) и Вакфа третьего сектора Турции 2006–2013 гг., около 80% турецких НПО считали свои материально-финансовые ресурсы недостаточными для решения уставных задач (64, с. 50; 65, с. 79–80). Неуверенность в своем экономическом потенциале отчасти способствует воспроизводству авторитарной модели управления внутри неправительственных организаций. В большинстве НПО решения принимаются не коллегиально, а на уровне руководства – причем даже без участия среднего исполнительского звена и рядовых членодобровольцев (65, с. 79).

Невысокий уровень институционального потенциала подавляющего числа турецких НПО сокращает их возможности в эффективном взаимодействии с европейскими визави и структурами

ЕС. В свою очередь, ЕС в работе на турецком направлении ограничен в выборе контрагентов: процедуры получения финансовых средств от европейских организаций крайне забюрократизированы, и их прохождение требует участия опытных специалистов, что многим потенциальным участникам европейских программ реализовать крайне затруднительно. Поэтому и планка требований в аспекте лояльности к общеевропейской миссии снижается, и значительной части грантополучателей ценности «Диалога гражданского общества» оказываются чужды.

Политическое спонсорство турецких НПО со стороны ЕС по уровню издержек ничуть не меньше финансового. Примеры наиболее резонансных случаев, когда европейские структуры уровня «Эмнести интернешнл» вступались за турецких гражданских активистов, и анализ регулярных докладов ЕС по Турции показывают фактическое отсутствие системности в выстраивании политических отношений с турецкими НПО. Расчет на заданность позитивной модели налаживания политических контактов – ЕС декларирует и поддерживает открытость для внешних игроков – порождает стихийность этого процесса и выводит на первый план структуры, лоббистские по своему характеру (как ЛямбдаИстанбул), либо те НПО, которые специализируются на международной деятельности (Форум европейских студентов – Avrupa Öğrencileri Forumu).

Подобный подход европейских политиков объясняется особенностями восприятия гражданского общества как единого субъекта, а не как поля соперничества. Между тем разделенность гражданского общества по линии отношения к исламу и кемализму, формирование концентрических кругов из разных социальных групп определяют не только концептуальный облик гражданского общества в Турции, но и отношение турецких НПО к политике ЕС. Поэтому и среди грантополучателей по степени поддержки процесса евроинтеграции лидируют консервативные силы, которые в сближении Турции с ЕС видят возможность расправиться со своими оппонентами и при этом, как ни парадоксально, сами не горят желанием выстраивать тесное партнерство с европейскими структурами ввиду расхождений в ценностных ориентациях.

Поляризация общественных и политических отношений, ставшая одной из отличительных черт современной истории Тур-

ции, напрямую отражается на характере связей и взаимоотношений внутри гражданского общества. Естественное объединение неправительственных организаций, преследующих схожие цели, но придерживающихся трудно сводимых политических платформ, становится малопродуктивным либо исключается в принципе, поскольку у этих НПО не получается найти общий язык для осуществления совместной деятельности.

Степень дезинтеграции турецкого гражданского общества, сравнимая с фрагментацией политического спектра, хорошо ощущается на примере ситуации вокруг торговых палат и предпринимательских союзов, которые, в принципе, должны действовать, руководствуясь логикой экономической рациональности в большей степени, чем политическими пристрастиями. Между тем эти институты успешно служат интересам политических партий – от радикально-правых до ультралевых. Так, Союз турецких промышленников и предпринимателей (Türk Sanayicileri ve İşadamları Derneği – TÜSİAD) ориентируется на правоцентристов. У левых – это основанная бизнесменами-алевиитами (см.: 44; 45; 48) Ассоциация республиканских промышленников и предпринимателей (Cumhuriyetçi Sanayici ve İş Adamları Derneği – CSIAD) и Ассоциация национальных промышленников и предпринимателей (Ulusal Sanayici ve İş Adamları Derneği – USİAD), обслуживающие интересы левых кемалистов (см.: 24; 25; 37; 79). У правых – основанная алевиитами Ассоциация демократических промышленников и предпринимателей (Demokrat Sanayici ve İşadamları Derneği – DEMSİAD) и Националистическая ассоциация промышленников и предпринимателей (Milliyetçi Sanayici, İşadamı ve Yöneticiler Derneği), идеологически близкая Партии националистического действия (ПНД). Наконец, Ассоциация независимых промышленников и бизнесменов (Müstakil Sanayici ve İş Adamları Derneği – MÜSİAD) представляет интересы религиозно настроенных и консервативных предпринимателей¹. В одном ряду с ними стоит Совет руководителей

¹ Сокращенное название этой организации часто ошибочно расшифровывают как Ассоциация мусульманских промышленников и предпринимателей, видя в первой букве аббревиатуры MÜSİAD слово «Müslüman», а не «müstakil». И вызвано это как раз тем, что подавляющее большинство членов ассоциации – «активные» мусульмане, всегда подчеркивающие свою религиозную идентичность.

ассоциаций турецких промышленников и предпринимателей (Türkiye Sanayici ve İşadamları Dernekleri Başkanlar Konseyi – TÜSİBAK), призванный координировать действия всех этих ассоциаций. Таким образом, экономическая сфера в стране оказывается разделенной по линии культуры и идеологии, что не дает возможности турецким промышленникам и предпринимателям выступать единым фронтом в противостоянии государству и правительству как объединенная влиятельная «группа давления», что можно было бы считать «гражданским обществом».

Политическая раздробленность гражданского общества (подробнее см.: 11; 14) проявляется даже среди организаций по защите прав человека. Хотя, казалось бы, права человека – универсальная категория, преодолевающая идеологические границы. Однако и здесь, как и в случае торговых палат, наблюдается поляризация по политическим предпочтениям. Только самая крупная из подобных организаций – Ассоциация прав человека (İnsan Hakları Derneği) и связанный с ней Вакф защиты прав человека в Турции (Türkiye İnsan Hakları Vakfı) включают в свои ряды представителей разных идеологических платформ. Другие же напротив, например Ассоциация помощи семьям заключенных и осужденных (Tutuklu ve Hükümlü Aileleri ile Dayanışma Derneği), служат исключительно интересам крайне левых сил; в свою очередь, у правых есть свой фонд – Вакф социальной безопасности и образования (Sosyal Güvenlik ve Eğitim Vakfı), у «умеренных» исламистов – Ассоциация защиты основных прав и свобод (Özgür Düşünce ve Eğitim Hakları Derneği – Özgür-Der), у радикальных – Ассоциация защиты прав человека и угнетенных (İnsan Hakları ve Mazlumlar İçin Dayanışma Derneği – MAZLUMDER) (подробнее см.: 49).

Как показывает практика, при тесном взаимодействии между теми или иными организациями по защите прав человека различия в политических предпочтениях и взглядах проявляются со всей очевидностью и становятся труднопреодолимой преградой на пути выработки совместных проектов, действий и т. д. (49, с. 471). В 1990-е годы это проявилось в работе феминистских организаций и других НПО на ООНовских конференциях по правам человека в Пекине (1995) и Стамбуле (1996), когда попытки сотрудничества НПО, преследующих в общем-то схожие уставные цели, приводили к конфликтам. В 2000-е годы красноречивым примером стала

инициатива по созданию Объединенной платформы организаций, занимающихся проблемами прав человека (İnsan Hakları Ortak Platformu – İНОР). Изначально в ее составе находились организации, официально придерживающиеся разных взглядов, – Международная амнистия, Ассоциация Хельсинкская группа, Ассоциация прав человека (İnsan Hakları Derneği – İHD), Вақф защиты прав человека в Турции и известная консервативными взглядами Ассоциация защиты прав человека и угнетенных. Платформа не просуществовала и пяти лет, как от нее стали откальваться организации-учредители. С начала в 2007 г. из платформы вышел Вақф защиты прав человека, а в 2009 г. ее покинула и консервативная Ассоциация защиты прав человека и угнетенных, возмущившаяся скандалом вокруг стамбульских ЛГБТ-активистов и оказанной им поддержкой.

Между тем толерантность и культурный релятивизм – важные показатели степени развития гражданского общества. Низкий уровень терпимости и уважения к противоположным взглядам остается до сих пор отличительной чертой политической культуры турецкой государственной элиты и гражданского общества. Примат «одного мнения» – так можно определить принципы поведения разных групп в рамках турецкого социума: когда «сильный», т.е. более представительная социальная группа, утверждает неоспоримость своей культурно-политической платформы и навязывает ее «слабому» – социальной группе, обладающей в данной ситуации меньшим ресурсом. Подобная практика наряду с глубокой дезинтегрированностью общества как раз и ведет к тому, что этнические, религиозные и политические разногласия и «несходства» легко оборачиваются жестокими конфликтами.

Турецкому обществу вообще свойственны «разломы» по линии религиозной, культурной и политической идентичности. Наиболее серьезные из них, если рассматривать последние 30 лет, – это оппозиция турок и курдов, суннитов и алевитов, исламистов и кемалистов. Причем в рамках этих групп существуют свои «линии напряжения»: например, противостояние исламистских и «кемалистских» феминисток, курдов-алеви́тов и курдов-суннитов и т.д.

Какая бы из существующих культурно-идеологических групп ни становилась сильнее, влиятельнее, она непременно стремилась подавить, ограничить или по крайней мере игнорировать другие. К примеру, исламисты, традиционно жаловавшиеся на

гнет со стороны кемалистов и государства, осуждавшего и запрещавшего их деятельность, со своей стороны, при наличии благоприятных политических условий повели себя по отношению к прокемалистски настроенным группам аналогичным образом. Есть много примеров, когда в студенческих группах, где число религиозно настроенных молодых людей было значительным, неопределившиеся и сочувствующие довольно быстро присоединялись к исламистам (особенно это хорошо было заметно до «процесса 28 февраля (1997 г.)», когда не было еще строгих правил по ношению религиозной одежды в общественных местах: за один академический год количество носящих хиджаб или характерные усы с бородой ощутило возрастало) (об этом см.: 61, с. 48).

Фрагментация гражданского общества и отсутствие взаимного доверия среди общественных организаций, стоящих на разных политических платформах, делают крайне сложным консолидацию потенциала в рамках гражданского общества, не позволяя ему выступить генератором социально-политического развития «снизу». Эти же факторы не дают возможность Евросоюзу получить желаемый результат от материальных и нематериальных инвестиций, вызывают пробуксовывание механизмов «мягкой» силы.

Правящий режим ПСР (Партия справедливости и развития), на который в 2002 г., когда партия только пришла к власти, возлагались большие надежды, а также политический дискурс Эрдогана, не оправдали чаяний ЕС. С точки зрения развития гражданского общества период правления ПСР, пришедшей к власти на контрасте с прежними кемалистскими элитами, по многим показателям можно считать этапным. При Эрдогане Турция существенно приблизилась к нормам западной либеральной демократии: в рамках реализации провозглашенных «демократических реформ», а в определенной степени под их предлогом, армия и военная элита лишились политической субъектности и были подчинены правительству, а индивидуальные свободы в ходе «пакетных реформ»¹ были

¹ В 2002–2006 гг. турецкое правительство реализовало девять «пакетных реформ» (*Avrupa Birliği Uyum Yasa Paketleri*) по изменению Конституции и приведению законов страны в соответствие с общеевропейскими нормами и «Копенгагенскими критериями». Первые три пакета были ратифицированы в парламенте Турции в 2002 г., пакеты с 4-го по 7-й – в 2003 г., 8-й пакет – в 2004 г. и 9-й – в 2006 г. (18, с. 7–10).

заметно расширены. И в то же время при ПСР политизация и политическая поляризация гражданского общества возросли на порядок. Сама партия Эрдогана, ощущая потенциал гражданского общества, его возможности воздействовать на повестку дня политических процессов, постаралась разработать мобилизационные механизмы для постановки гражданского общества на службу своим политическим интересам.

Отметив десятилетие пребывания у власти триумфальной победой на парламентских выборах 2011 г., правление ПСР перешло в фазу, по многим показателям отличную от модели 2000-х годов, когда произошли наиболее заметные позитивные сдвиги в социально-политическом развитии Турции. После парламентских выборов 2011 г. и без малого 50% поддержки, полученных ПСР, политика Эрдогана начала обретать все более авторитарные черты. В 2011–2013 гг. правительство и премьер вели себя так, словно высокие показатели поддержки населения дают право действовать (принимать законы, конституцию и т.д.), не оглядываясь на оппонентов и политических противников. Фетишизация народной поддержки и игнорирование мнения «несогласного меньшинства» стали отличительной чертой третьего срока Эрдогана, утвердившегося в роли национального лидера, стремящегося навязать свои консервативные взгляды всему турецкому обществу.

В конце мая – начале июня 2013 г. Турция стала свидетелем небывалого подъема протестной активности, антиправительственных митингов, стремительно охвативших почти всю территорию страны. В центре конфликта, который официальные власти списали на происки внешних врагов, лежит специфическая интерпретация демократии, которую исповедует турецкий премьер: в стране, где выборы проходят свободно и честно, все недовольство правительством и политическим курсом правящей партии должно выражаться исключительно у избирательных урн. Для большинства турецкого общества столь ограниченная трактовка демократии неприемлема. Для защитников «Парка Гези» и протестующих с площади Таксим возможность мирного протеста и выражения несогласия с правительством – неотъемлемая часть любой современной демократии. Как бы ни были важны выборы, содержание современной демократии невозможно свести исключительно к выборному процессу.

При этом за два месяца протестов фрагментация политического поля и деконсолидированный характер гражданского общества не позволили оппозиции выработать общую платформу – ясную, логичную и стратегически продуманную, даже несмотря на то что реакция Эрдогана и ключевых функционеров ПСР на события была не очень продуманной и излишне эмоциональной (от непропорционально жестких мер полиции до ограничений на социальные сети и репрессий в отношении СМИ).

Вместе с тем правящая ПСР по-прежнему обладает широкой народной поддержкой, и риски ее провала на грядущих муниципальных выборах 2014 г. из-за кризисных явлений маловероятны. Однако проблемы турецкой демократии связаны не с выборами, а с особенностями политической культуры. Массовые протесты наглядно показали, что значительная часть турецкого общества недовольна растущим авторитаризмом власти, ограничениями свободы прессы и информации, сужением каналов активности гражданского общества, а также положением меньшинств. Дальнейшее упорство власти и ее нежелание отказаться от концепта «демократии избирательных урн» будет способствовать эскалации конфликтности и дальнейшей поляризации турецкого общества.

Протесты наглядно показали, что в Турции по-прежнему доминирует понимание демократии как борьбы, в рамках которой одна часть общества берет верх над другой (кемалисты над исламистами, реформаторы над консерваторами и т.д.), и в ближайшей перспективе социальная конфликтность не будет демонстрировать нисходящую динамику, а внутривнутриполитическая ситуация останется напряженной. Скандалы декабря 2013 г. только подтверждают эту тенденцию, при сохранении которой Турция будет восприниматься как страна, отдаляющаяся от западноевропейских ценностей и либеральной демократии, и внешнеполитические потери для страны и режима ПСР окажутся еще более существенными, чем внутривнутриполитические.

Политика «мягкой» силы ЕС в незападных обществах – уравнение со многими переменными, где уже апробированные слагаемые успеха в сумме дают неожиданный результат. В контексте новейшей истории Турции одна из наиболее видимых и диагностируемых сторон этого вопроса – взаимодействие с турецкими неправительственными организациями, сквозь призму кото-

рых четко просматриваются как концептуальные особенности турецкого гражданского общества, так и специфические ограничители «мягкой» силы ЕС.

Поддержка турецких НПО в 2000-е годы со стороны структур Евросоюза – это политика долгосрочных инвестиций, в основе которой не только стремление придать необходимый импульс социально-политической трансформации Турции на основе европейских норм и ценностей, но и формирование позитивного имиджа ЕС, лучшего понимания европейской политики, иными словами, создание общественной атмосферы лояльности и сопричастности. Можно увидеть в этом стремление облегчить процесс сближения Турции с Европой, в котором финальным призом должно стать членство Анкары в ЕС, а возможно, и геополитические интересы Брюсселя. Помогая создать благоприятный административно-правовой климат для гражданской активности и стимулируя рост численности НПО, Евросоюз рассчитывал на формирование лояльной сферы гражданского общества в Турции, одной из важных составляющих которой должно было стать многоуровневое участие в процессе вступления Турции в ЕС.

Однако отсутствие прямой зависимости между поддержкой конкретных НПО со стороны ЕС и их сопричастностью европейскому проекту, зафиксированное в социологических опросах, породило не только неожиданные примеры НПО, получающих средства от европейских фондов и при этом фактически не поддерживающих «европейский выбор Турции», но и высветило фундаментальные ограничения «мягкой» силы ЕС. Эти ограничения во многом являются производными от восприятия гражданского общества как единого субъекта без учета его поляризации и сложного переплетения линий разломов.

Маятниковая динамика социально-политического развития и либерализации Турции в 1990-е и 2000-е годы обнажила пределы «мягкой» силы и политики кондициональности ЕС. На заре 2000-х годов, когда неясность перспектив вступления в ЕС еще не стала столь очевидной, стремление приблизиться к единой Европе вынуждало Анкару принимать условия Брюсселя и идти на либеральные реформы, которые в 1990-е годы были едва ли возможны из-за вероятного политического резонанса. И первая половина 2000-х годов вполне может считаться наиболее успешным перио-

дом в континууме отношений ЕС и Турции с точки зрения эффективности «мягкой» силы ЕС. Тогда казалось, что обаяние перспективы вступить в Евросоюз способно стать долговременным фактором модернизации.

К 2005 г. наметился слом этой позитивной тенденции. Доклады Еврокомиссии «О продвижении Турции» стали все более критичными в своих оценках системности в проведении демократических преобразований, равно как и в определениях состояния гражданских и политических свобод в Турции. Конечно, в докладах Еврокомиссии это рассматривалось как проявление внутренней динамики политического развития, однако в этом отражалась и ограниченность потенциала «мягкой» силы ЕС. Наиболее внушительным по значению был фактор разочарования в перспективах быстрого вступления в ЕС, крепнущего с середины 2000-х годов, на фоне которого в фокус общественного внимания стали вбрасываться альтернативные интеграционные проекты. Закономерно, что на фоне крушения европейских надежд действенность рычагов «мягкой» силы проседала еще больше, чему в немалой степени способствовали и разговоры о «высокой цене» непрекращающихся условий Брюсселя.

Конечно, в полифонии европейского курса Турции за последние годы можно выделить значимые с точки зрения внедрения норм западной демократии события – это и конституционный референдум 12 сентября 2010 г.¹, и публичные выступления лидера Народно-республиканской партии Кемаля Кылычдароглу о безусловной поддержке европейского курса, и рост ассигнований из общеевропейских фондов. Однако всего этого вряд ли достаточно для возрождения еврооптимизма начала 2000-х годов, особенно на фоне развертывания репрессий против политических оппонентов и роста числа «узников совести» и «государственных преступников»

¹ Поправки вводили новые механизмы формирования персонала судов, а главное – принцип правовой и административной ответственности военных перед гражданскими судами; таким образом, упразднялась правовая автономия армии (см.: 15, с. 12). Символической была даже дата проведения всенародного референдума – в день 30-й годовщины военного переворота 1980 г.

в 2008–2013 гг.¹, очевидных отступлений от принципов либеральной демократии, масштабы которых даже обеспокоили Еврокомиссию (74, с. 6–7, 10–12; 75, с. 5–7; 76, с. 5–17).

В динамике взаимодействия ЕС и Турции никогда не было линейной заданности, подобной той, что можно наблюдать в связке ЕС со странами ЦВЕ. И за фазой «авторитарного отката» может последовать «мобилизация» и «либерализация». Однако в начале 2014 г. европейское будущее Турции кажется все более неопределенным, доверие к ЕС демонстрирует нисходящую динамику, внешняя политика Анкары все явственнее отходит от прежней модели прозападной ориентации, а внутривнутриполитическая ситуация обостряется с неожиданной для спокойных 2000-х годов скоростью. И на этом фоне поле для маневра политики «мягкой» силы ЕС и инициатив по продвижению либеральной демократии в Турции явно сужается, а диссонанс нормативности западной и незападной моделей гражданского общества ощущается все острее.

Список литературы

1. Антология мировой политической мысли: В 5 т. / Под ред. Г. Ашина, Е. Морозовой, Т. Алексеевой. – М.: Мысль, 1997. – Т. 2. – 832 с.
2. Ашрапова А. Функционально-семантическое поле кондициональности в разноструктурных языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Казань: Татар. гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2006. – 24 с.
3. Бодрунова С. Политическая кондициональность и прикладной характер оценки имиджа государства // Имидж государства/региона в современном информационном пространстве: Материалы симпозиума 23–24 марта 2009 г. – СПб., 2009. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-62644.html> (Дата обращения – 10.02.2014).
4. Кудряшова Ю. Турция и Европейский союз: История, проблемы и перспективы взаимодействия. – М.: Институт Ближнего Востока, 2010. – 364 с.
5. Най Дж. Гибкая власть: Как добиться успеха в мировой политике / Пер. с англ. В. Супруна. – Новосибирск: Фонд социопрогност. исслед. «Тренды», 2006. – 221 с.

¹ На 2013 г. число обвиняемых по делу «Эргенекон» составляло 275, по делу «Кувалда» – 224, по другим аналогичным делам – более 150.

6. Най Дж. «Мягкая сила» и американско-европейские отношения // Свободная мысль-XXI. – М., 2004. – № 10. – С. 33–41.
7. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии. – М.: Ad Marginem, 1996. – 287 с.
8. Токвиль А. Демократия в Америке. – М.: Весь мир, 2000. – 559 с.
9. Тынянов Ю. Поэтика. История литературы. Кино. – М., 1977. – 576 с.
10. Шлыков П. Гражданское общество в Турции и влияние европейских институтов на его развитие // Актуальные проблемы Европы / РАН. ИНИОН. – М., 2012. – № 3. – С. 210–251.
11. Шлыков П. Гражданское общество в Турции: Иллюзии и реальность // Восток (Oriens). – М., 2009. – № 1. – С. 109–122.
12. Шлыков П. Куда идет Турция? (Метаморфозы прозападного курса развития) // Современная Европа. – М.: Институт Европы РАН, 2013. – № 1 (53). – С. 58–75.
13. Шлыков П. Курдский вопрос в Турции: На пути к разрешению конфликта? // Перспективы / Фонд исторической перспективы. – 26.06.2013. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/oikumena/vostok/kurdskiy_vopros_v_turcii_na_puti_k_razresheniju_konflikta_2013-06-26.htm (Дата обращения - 10.02.2014).
14. Шлыков П. Турецкая модель гражданского общества: В поисках компромисса между секуляризмом, исламом и демократией // Исламский фактор в истории и современности / Отв. ред. В. Белокреницкий. – М.: Восточная литература, 2011. – С. 221–242.
15. Шлыков П. Турция после выборов 2011 г.: Парадоксы политического развития // Вестник Московского университета. Серия 13, Востоковедение. – М.: МГУ, 2012. – № 3. – С. 3–28.
16. AB ve Türkiye sivil toplum diyalogu III: Program hakkında / Türkiye Cumhuriyeti Avrupa Birliği Bakanlığı // Sivil toplum diyalogu III. – Mode of access: http://www.csdproject.net/tr-tr/siviltoplumdiyalogu/program_hakkinda.aspx (Дата обращения - 12.02.2014).
17. Almond G., Verba S. The civic culture: Political attitudes and democracy in five nations. – Princeton, NJ: Princeton univ. press, 1963. – 562 p.
18. Avrupa Birliği uyum yasa paketleri / Avrupa Birliği Genel Sekreterliği. – Ankara, 2007. – 280 p. – Mode of access: <http://www.abgs.gov.tr/files/pub/abuup.pdf> (Дата обращения - 12.02.2014).
19. Barber B. Clansmen, consumers, and citizens: Three takes on civil society // Civil society, democracy, and civic renewal / R. Fullinwider (Ed.). – Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 1999. – P. 9–30.
20. Chandoke N. State and civil society: Explorations in political theory. – New Delhi: Sage, 1995. – 266 p.

21. Civil society: Local and regional responses to global challenges / M. Herkenrath (Ed.). – Berlin: LIT Verlag, 2007. – 251 p.
22. Communication from the Commission to the Council, the European Parliament, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions: Civil society dialogue between the EU and candidate countries / The Commission of the European Communities. – Brussels, 2005. – 29 June. – COM (2005) 290 final. – 15 p. – Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2005:0290:FIN:EN:PDF> (Дата обращения – 10.02.2014).
23. Communication from the Commission to European Parliament and the Council: Enlargement Strategy and Main Challenges 2007-2008 / The Commission of the European Communities. – Brussels, 2007. – 6 November. – COM (2007) 663 final. – 61 p. – Mode of access: http://ec.europa.eu/enlargement/pdf/key_documents/2007/nov/strategy_paper_en.pdf (Дата обращения – 10.02.2014).
24. Cumhuriyet. – Istanbul, 1998. – 4 June. – Mode of access: <http://www.cumhuriyetarsivi.com/monitor/index.shtml> (Дата обращения – 10.02.2014).
25. Cumhuriyet. – Istanbul, 1998. – 10 November. – Mode of access: <http://www.cumhuriyetarsivi.com/monitor/index.shtml> (Дата обращения – 10.02.2014).
26. Diamond L. Rethinking civil society: Toward democratic consolidation // J. of Democracy. – Wash., DC: The Johns Hopkins univ. press, 1994. – Vol. 5, N 3. – P. 4–17.
27. Diamond L. The spirit of democracy: The struggle to build free societies throughout the world. – N.Y.: Henry Holt and Company, 2008. – 448 p.
28. Dimitrova A., Pridham G. International actors and democracy promotion in Central and Eastern Europe: The integration model and its limits // Democratization. – L.: Routledge, 2004. – Vol. 11, N 5. – P. 91–112.
29. Duchêne F. Europe's role in world peace // Europe tomorrow: Sixteen Europeans look ahead / R. Mayne (Ed.). – L.: Collins, 1972. – P. 32–47.
30. Edwards M. Civil society. – Malden, MA: Polity Press, 2004. – 138 p.
31. Eşçinsel derneği kapatıldı // Hürriyet. – Istanbul, 2008. – 30 May. – Mode of access: <http://www.hurriyet.com.tr/gundem/9051425.asp?m=1> (Дата обращения – 12.02.2014).
32. EU Enlargement: Instrument for pre-accession assistance (IPA): Turkey / European Commission. – Mode of access: http://ec.europa.eu/enlargement/instruments/funding-by-country/turkey/index_en.htm (Дата обращения – 10.02.2014).

33. Freyburg T. Democracy promotion through functional cooperation: The case of the European neighborhood policy // Democratization. – L.: Routledge, 2011. – Vol. 18, Issue 4. – P. 1001–1025.
34. Genta C., Müftüler-Baç M. Gender equality in Turkey: Note / Policy Department C of the European Parliament. – Brussels, 2012. – 15 p. – Mode of access: <http://www.europarl.europa.eu/document/activities/cont/201204/20120424ATT43808/20120424ATT43808EN.pdf> (Дата обращения – 10.02.2014).
35. Grabbe H. European Union conditionality and the Acquis Communautaire // International political science review / International Political Science Association. – Wash., DC: Sage, 2002. – Vol. 23, N 3. – P. 249–268.
36. Grabbe H. How does Europeanization affect CEE governance? Conditionality, diffusion and diversity // J. of European public policy. – L.: Routledge, 2001. – Vol. 8, N 6. – P. 1013–1031.
37. Hürriyet. – Istanbul, 2000. – 6 February. – Mode of access: <http://webarsiv.hurriyet.com.tr/2000/02/06/hurriyet.asp> (Дата обращения – 10.02.2014).
38. İçduygu A., Meydanoğlu Z., Sert D. Civil society in Turkey: At a turning point: Country report for Turkey II / CIVICUS Civil Society Index (CSI) Project. – Istanbul: TÜSEV Yayınları, 2011. – 107 p. – Mode of access: <http://civicus.org/downloads/CSI/Turkey.pdf> (Дата обращения – 10.02.2014).
39. Instrument for pre-accession assistance (IPA): Revised multi-annual indicative financial framework for 2013 / European Commission. – Brussels, 2012. – 10 October. – COM (2012) 581 final. – 9 p. – Mode of access: http://ec.europa.eu/enlargement/pdf/key_documents/2012/package/miff_adopted10-10-12_en.pdf (Дата обращения – 10.02.2014).
40. Kagan R. Of Paradise and Power: America and Europe in the New World Order – N.Y.: Vintage Books, 2004. – 157 p.
41. Keyman F., İçduygu A. Globalization, civil society and citizenship in Turkey: Actors, boundaries and discourses // Citizenship studies. – Detroit, MI: Wayne State univ., 2003. – Vol. 7, N 2. – P. 219–234.
42. Lambdaİstanbul'a karşı kapatma davası kronolojisi // Bianet. – 2009. – 29 April. – Mode of access: <http://bianet.org/bianet/toplumsal-cinsiyet/114196-lambdaistanbula-karsi-kapatma-davasi-kronolojisi> (Дата обращения – 10.02.2014).
43. Manners I. The concept of normative power in world politics. – Copenhagen: DIIS Brief, 2009. – 5 p. – Mode of access: http://subweb.diis.dk/graphics/Publications/Briefs2009/B09_maj_Concept_Normative_Power_World_Politics.pdf (Дата обращения – 10.02.2014).

44. Milliyet economi: Cumhuriyetçi sanayiciler sahnede // Milliyet. – Istanbul, 1999. – 28 January. – Mode of access: <http://www.milliyet.com.tr/1999/01/28/ekonomi/eko04.html> (Дата обращения – 10.02.2014).
45. MÜSİAD karşı CUSİAD // Milliyet. – Istanbul, 1997. – 11 June. – Mode of access: <http://www.milliyet.com.tr/1997/06/11/ekonomi/musiad.html> (Дата обращения – 12.02.2014).
46. Nye J. Bound to lead: The changing nature of American power. – N.Y.: Basic Books, 1990. – 336 p.
47. Ottoway M., Carothers T. Funding virtue: Civil society aid and democracy promotion. – Wash., DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2000. – 350 p.
48. Öztürk N. Alevi businessmen set up CUSIAD // Turkish Daily News. – Istanbul, 1997. – 6 September. – Mode of access: <http://www.hartford-hwp.com/archives/51/024.html> (Дата обращения – 10.02.2014).
49. Plagemann G. Human rights organizations: Defending the particular or the universal // Civil society in the grip of nationalism: Studies on political culture in contemporary Turkey / S. Yerasimos, G. Seufert, K. Vorhoff (Eds.). – Istanbul: Ergon, 2000. – P. 433–471.
50. Pridham G. Designing democracy: EU enlargement and regime change in post-communist Europe. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2005. – 284 p.
51. Pridham G. European Union accession: Dynamics and democratization in Central and Eastern Europe: Past and future perspectives // Government and Opposition. – Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2006. – Vol. 41, N 3. – P. 373–400.
52. Promoting the role of voluntary organizations and foundations in Europe / The Commission of the European Communities. – Brussels, 1997. – 6 June. – COM (97) 241 final. – 84 p. – Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:1997:0241:FIN:EN:PDF> (Дата обращения – 10.02.2014).
53. Recommendation of the European Commission on Turkey's progress towards accession / The Commission of the European Communities. – Brussels, 2004. – 6 October. – 18 p. – Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2004:0656:FIN:EN:PDF> (Дата обращения – 10.02.2014).
54. Regulation No. 1085/2006 establishing an instrument for pre-accession assistance (IPA) / The Council of the EU. – Brussels, 2006. – 17 July. – 210 p. – Mode of access: http://eacea.ec.europa.eu/tempus/documents/tempus_ipa.pdf (Дата обращения – 10.02.2014).
55. Regulation No. 1605/2002 on the financial regulation applicable to the general budget of the European Communities / The Council of the EU. – Brussels, 2002. – 25 June. – 248 p. – Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu>

- eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2002:248:0001:0048:EN:PDF (Дата обращения – 10.02.2014).
56. Regulation No. 2342/2002 laying down detailed rules for the implementation of Council Regulation No. 1605/2002 of 25 June 2002 on the financial regulation applicable to the general budget of the European Communities / The Commission of the European Communities. – Brussels, 2002. – 23 December. – 357 p. – Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2002:357:0001:0071:EN:PDF> (Дата обращения – 10.02.2014).
57. Regulation No. 718/2007 implementing Council Regulation (EC) No. 1085/2006 establishing an instrument for pre-accession assistance (IPA) / The Commission of the European Communities. – Brussels, 2007. – 12 June. – 170 p. – Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2007:170:0001:0066:EN:PDF> (Дата обращения – 10.02.2014).
58. Schimmelfennig F. Strategic calculation and international socialization: Membership incentives, party constellations, and sustained compliance in Central and Eastern Europe // International Organization. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2005. – Vol. 59, N 4. – P. 827–860.
59. Schimmelfennig F., Engert S., Knobel H. Costs, commitment and compliance: The impact of EU democratic conditionality on Latvia, Slovakia and Turkey // J. of Common Market studies. – Oxford: Blackwell publishing, 2003. – Vol. 41, N 3. – P. 495–518.
60. Schimmelfennig F., Sedelmeier U. Governance by conditionality: EU rule transfer to the candidate countries of Central and Eastern Europe // J. of European public policy. – L.: Routledge, 2004. – Vol. 11, N 4. – P. 661–679.
61. Şimşek S. The transformation of civil society in Turkey: From quantity to quality // Turkish Studies. – L.: Routledge, 2004. – Vol. 5, N 3 (Autumn). – P. 46–74.
62. Sivil Toplum Geliştirme Merkezi: Atölye çalışması programı hakkında / STGM. – Mode of access: <http://www.stgm.org.tr/tr/> (Дата обращения – 10.02.2014).
63. Sivil Toplum Geliştirme Merkezi: BİA Haber Merkezi / STGM. – 2002. – 30 December. – Mode of access: <http://www.stgm.org.tr/tr/icerik/detay/bianet-bia-haber-merkezi-30-12-2002> (Дата обращения – 10.02.2014).
64. Sivil Toplum İzleme Raporu 2012 / Türkiye Üçüncü Sektör Vakfı. – İstanbul: TÜSEV Yayınları, 2012. – 144 p. – Mode of access: <http://www.tusev.org.tr/tr/arastirma-ve-yayinlar/sivil-toplum-izleme-raporu-1/sivil-toplum-izleme-raporu-2012-3> (Дата обращения – 10.02.2014).
65. Sivil Toplum İzleme Raporu 2013 / Türkiye Üçüncü Sektör Vakfı. – İstanbul: TÜSEV Yayınları, 2013. – 150 p. – Mode of access: <http://www.tusev.org.tr>

- org.tr/tr/arastirma-ve-yayinlar/sivil-toplum-izleme-raporu-1/sivil-toplum-izleme-raporu-2013 (Дата обращения – 10.02.2014).
66. Smith M. Normative power: Europe and the «Case for Goliath»: The EU, the US and the pursuit of the «good world»: Paper presented at the Sixth SGIR Pan-European international relations conference, Section «Post-modern foreign and security policy in the enlarged Europe». – Turin, 2007. – 12–15 September. – 21 p. – Mode of access: http://www.eisa-net.org/bebruga/eisa/files/events/turin/Smith-sgir_conference_paper_revised_august_2007.pdf (Дата обращения – 10.02.2014).
67. Smith T. The politics of conditionality: The European Union and human rights reform in Turkey // The European Union & democratization / P. Kubicek (Ed.). – L.: Routledge, 2003. – P. 111–132.
68. Stivachtis Y. Conditionality: A new form of the old standard of «civilization»: The case of EU conditionality: Paper prepared for the 48 ISA Annual convention. – Chicago, 2007. – 28 February–3 March. – 25 p.
69. Tarrow S. Making social science work across space and time: A critical reflection on Robert Putnam’s «Making democracy work» // American political science review. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1996. – Vol. 90, N 2 (June). – P. 389–397.
70. The European Union & democratization / P. Kubicek (Ed.). – L.: Routledge, 2003. – 232 p.
71. The guiding principles for EC support of the development of civil society in Turkey 2011–2015 / Delegation of the European Union to Turkey. – Brussels, 2010. – 8 p. – Mode of access: http://www.avrupa.info.tr/fileadmin/Content/Files/File/CSD/Guiding_Principles_for_EC.pdf (Дата обращения – 10.02.2014).
72. The international dimensions of democratization: Europe and the Americas / L. Whitehead (Ed.). – N.Y.: Oxford univ. press (USA), 1996. – 490 p.
73. The JCMS Annual Review of the European Union in 2008 / JCMS: J. of Common Market Studies. – Oxford: Blackwell Publishing, 2009. – 304 p.
74. Turkey 2009 Progress Report: Commition staff working document / The Commission of the European Communities. – Brussels, 2009. – 14 October. – SEC (2009) 1334. – 93 p. – Mode of access: http://ec.europa.eu/enlargement/pdf/key_documents/2009/tr_rapport_2009_en.pdf (Дата обращения – 10.02.2014).
75. Turkey 2011 Progress Report: Commition staff working document / European Commission. – Brussels, 2011. – 12 October. – SEC (2011) 1201 final. – 115 p. – Mode of access: http://ec.europa.eu/enlargement/pdf/key_documents/2011/package/tr_rapport_2011_en.pdf (Дата обращения – 10.02.2014).

76. Turkey 2013 Progress Report: Comission staff working document / European Commission. – Brussels, 2013. – 16 October. – SWD (2013) 417 final. – 80 p. – Mode of access: http://ec.europa.eu/enlargement/pdf/key_documents/2013/package/tr_rapport_2013.pdf (Дата обращения – 10.02.2014).
77. Türkiye Cumhuriyeti Avrupa Birliği Bakanlığı: Sivil Toplum Diyaloğu I. – Mode of access: <http://www.abgs.gov.tr/index.php?p=5966&l=1> (Дата обращения – 12.02.2014).
78. Türkiye’de gönüllü kuruluşlarda sivil toplum kültürü / Yeğen M., Keyman F., Çalışkan M., Tol U. – Istanbul: Yaşama Dair Vakıf (YADA), 2010. – 276 p. – Mode of access: <http://www.yasamadair.org/Adminjkl/1.pdf> (Дата обращения – 12.02.2014).
79. Ulusal Sanayici ve İş Adamları Derneği Tüzüğü / USİAD. – Mode of access: http://www.usiad.net/index.php?option=com_content&view=article&id=53&Itemid=30 (Дата обращения – 12.02.2014).
80. Vachudova M. Europe Undivided: Democracy, leverage, and integration after communism. – Oxford: Oxford univ. press, 2005. – 341 p.
81. Way L., Levitsky S. Linkage, leverage, and the post-communist divide // East European politics and societies. – Wash., DC: Sage, 2007. – Vol. 21, Issue 1. – P. 48–66.
82. World Values Survey: 1981–2008 Integrated Data / World Values Survey Association. – Mode of access: <http://www.wvsevsdb.com/wvs/WVSDData.jsp> (Дата обращения – 11.02.2014).
83. Youth in Action 2007–2013 / European Commission: EACEA. – Mode of access: http://eacea.ec.europa.eu/youth/programme/about_youth_en.php (Дата обращения – 11.02.2014).
84. Zihnioğlu Ö. European Union civil society policy and Turkey: A bridge too far? – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2013. – 184 p.